

Напоминание о жизни

Сергей Кашлачёв

16+

Сергей Кашлачев

Напоминание о жизни

«Автор»

2010

Кашлачев С.

Напоминание о жизни / С. Кашлачев — «Автор», 2010

«Напоминание о жизни» – это исполненная душевных переживаний история о знакомстве юноши со смертью. Растерянность, страх, отчаяние и ощущение величайшей несправедливости – вот то, с чем пришлось столкнуться молодому человеку, который внезапно потерял отца. Однако с годами именно из тех трагических воспоминаний в его сознании начнет прорастать ощущение непреложного значения недолговечности жизни и убежденность в том, что бессмертие лишило бы человечество сострадания, обесценив жизнь возможностью рано или поздно все исправить...

© Кашлачев С., 2010

© Автор, 2010

Сергей Кашлачев

Напоминание о жизни

Был день. На кухонной плите, испуская клубы пара, доходил борщ, разносящий по квартире убаюкивающий запах домашнего быта. Поблескивая, томилась в ожидании уже расставленная столовая утварь. И телевизор, сияя пестрой улыбкой, шептал что-то о любви и вечном счастье. Дом ждал. Ждал, как всегда. Ждал того, кто был его частью, и без кого дом уже перестал бы называться домом. Долгие годы, словно хранимый небесами, стоял он посреди мирских несчастий и печали, и ничто не могло поколебать этот оплот радости, выстроенный из камней семейного счастья. А потом был звонок в дверь. И этот голос, родной и беспощадный. Он запомнил его на всю жизнь: «Сынок, иди сюда, с ним что-то случилось, они мне не говорят, а тебе сейчас расскажут». Но в этот миг, когда вместе с ввалившейся толпой в согретый домашним очагом мирок влетел ледяной ветер, она уже поняла все – без слов и объяснений. Это был тот ветер, от которого годами укрывали непреступные стены, но который траурным вороном ворвался в распахнутые настежь двери, чтобы окутать все ледяными путами оцепеняющего ужаса и скорби.

На душе не было никаких эмоций, одна только растерянность. Как будто где-то на улице его за руку остановила цыганка и, убаюканный ее голосом, он был способен только утвердительно кивать головой, не понимая, что происходит вокруг. Какая-то женщина рассказывала о том, как это произошло, когда привезут тело, что все расходы они берут на себя, и еще много-много всего. Он молча со всем соглашался, записывал телефоны, имена незнакомых людей. Не потому, что это было ему надо, просто голова тогда не могла заниматься поиском смыслов и безропотно выполняла любые указания. Все, что он слышал, походило больше на нелепую выдумку или злой розыгрыш. Ему только что сказали, что случилось самое ужасное из того, что может случиться в жизни, но при этом все в доме оставалось прежним. Точно таким, каким было еще минуту назад, когда отец был жив. Жив для этого дома. Тот же будильник на столе, стопки чертежей и документов, подаренная на юбилей именная кружка. Все это было неотделимо от того, кого уже не существовало. Но как отца могло не существовать, если его вещи не превратились в пыль, не испарились, а остались такими, какими тот каждый день держал их в руках? Голова не могла представить, как это возможно, и в ней судорожно пульсировала одна мысль: «Что-то просто пошло не так и сейчас мы все переиграем! Надо только перезагрузиться! Но как это сделать?! На что нужно нажать?!». Ужаснется этой мыслью он позже, осыпав проклятиями творцов виртуальной жизни, с ее простотой и бесконечностью, в которые так просто поверит и от которых так мучительно трудно избавиться, когда жизнь реальная заставляет вернуться в свою, совсем иную действительность, записывающую «experience» не цифрами на мониторе, а кровавыми насечками на сердце. Тогда же иллюзия была частью действительности, еще больше затуманивая и так сбитое с толку сознание, пытавшееся разобраться почему оно не находит возможности отыграть жизнь назад, как это обыкновенно бывало, когда кто-то умирал под обстрелом где-нибудь в лабиринтах заброшенной космической станции или на огромной скорости вылетов с Бруклинского моста. Разум понимал, что происходящее вокруг не игра воображения и что смерть непоправима, но какая-то его часть, очарованная лукавством виртуального мира, в котором смерть лишь досадная заминка перед очередной попыткой, никак не могла смириться с тем, что случившееся невозможно изменить.

Он робко вошел в соседнюю комнату, чтобы рассказать самому близкому человеку о том, во что сам еще не верил. Мать, потупив взгляд, сидела на кресле в окружении безмолвно стоящих вокруг людей. Не сказав ни слова, он подошел и обнял ее. Обнял первый раз за много лет. Не потому, что не любил, просто слов всегда казалось достаточно для того, чтобы открыть душу. Сейчас же они могли только умалить ту нежность и трепетность, с которыми он ста-

рался надеть на ее сердце траурный терновый венок, не пролив ни капли родной крови. Она, конечно, прекрасно понимала, зачем пришли и о чем молчали эти незваные гости, но только лишь заглянув в глаза сына в ее душе погас последний огонек надежды, вопреки здравому смыслу цеплявшейся за спасительные домыслы о причинах, приведших сюда этих людей. На их смущенных и поникших лицах читалось только одно желание – исчезнуть отсюда прочь (убежав, испарившись, сделавшись невидимками), только бы не быть причастными к беде, принесенной ими в этот дом. Но уйти было невозможно. Они испытывали жгучее чувство вины за то, что беда пришла не к ним и в их жизни все в порядке, и простить себя за благополучие можно было только разделив страдания с несчастной семьей. Хозяевам же не было никакого дела до окруживших их людей, они просто стояли обнявшись и молчали. И даже самая изысканная словесная конструкция была бы слишком громоздка и угловата для того, чтобы выразить заключенные в эти объятия чувства: еще непонятные и не успевшие превратиться ни в боль, ни в отчаяние. В ту минуту они оба знали, что их дом стал другим, и что некогда ярко расписанная воображением картина их будущей жизни с семейными праздниками и посиделками среди детей и внуков обречена поблекнуть, утратив былые цвета и целостность композиции. Однако знание и вера не одно и то же. Открыв Библию в считанные мгновения можно узнать, что Бог создал человека, вдохнув в прах земной дыхание жизни. Но чтобы поверить в эту фантастическую теорию, отвергнув все научно обоснованные изыскания ученых мужей о том, как труд сделал из обезьяны человека, сама жизнь должна предъявить сознанию доказательства реальности божественного промысла. А до этого момента библейская история будет всего лишь нескладной сказкой, сочиненной для легковверной деревенщины. Так же и для него, и для матери случившееся было чем-то фантастическим, лишенным каких-либо доказательств, за исключением круживших вокруг назойливыми мухами слов соболезнования, от которых, казалось, достаточно просто отмахнуться, чтобы они исчезли прочь и все вернулось на круги своя. Ведь в том, что отец отсутствовал дома не было ничего удивительного: он, как это бывало сотни раз, просто остался на совещании и поэтому не пришел на обед, но вечером непременно вернется и сядет ужинать с семьей. Так было всю жизнь. И только когда ночь сменит прожитый в траурном дурмане день, длившийся почти вечность, а дверной звонок так и не разразится знакомым паролем «тире-точка-тире», знание в их головах окончательно перельется в горькую веру в сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.